

Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости.
 № 36. 8 Сентября.

Цѣна съ пересылкой
 4 р. 50 к.
 Отдѣльно № 10 к.

ВЫХОДЯТЪ
 ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
 НОВГОРОДЪ.
 Редакція «Епархіальныхъ
 Вѣдомостей»

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Отношеніе Архіепископа Рижскаго и Митавскаго на
 имя Высокопреосвященнаго Архіепископа Гурія.

Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 7 іюля—1 августа 1906 г.
 за № 3994 разрѣшено произвести во всѣхъ церквяхъ Россійской
 Имперіи 1 октября сего года тарелочный сборъ на окончаніе
 постройки соборнаго храма въ Рижскомъ Свято-Троицкомъ жен-

скомъ монастырѣ. Обитель эта расположена въ той части города, гдѣ не имѣется приходскихъ храмовъ, а православнаго населенія очень много. Поэтому единственный имѣющійся въ монастырѣ деревянный храмъ съ теченіемъ времени, пересталъ совершенно вмѣщать въ себя многочисленныхъ богомольцевъ. Явилась мысль объ устройствѣ новаго обширнаго каменнаго соборнаго храма. На это дѣло Государемъ Императоромъ Всемилоостивѣйше отпущено было монастырю пособіе въ количествѣ 75000 руб. Благодаря сему, въ маѣ 1904 года было приступлено къ постройкѣ храма. Высочайше пожалованной суммы оказалось недостаточно для окончанія постройки, вслѣдствіе потери, понесенной при размѣнѣ процентныхъ бумагъ. Мѣстные же источники доходовъ исчерпаны, и получить отъ мѣстныхъ благотворителей пособіе въ виду настоящаго труднаго времени, не представляется никакой возможности. При такихъ условіяхъ, новый соборный храмъ долженъ оставаться недостроеннымъ къ явному ущербу интересовъ православія въ г. Ригѣ.

Вслѣдствіе сего позволяю себѣ обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ усерднѣйшею просьбою не отказать въ Вашемъ благосклонномъ содѣйствіи къ производству упомянутаго сбора пожертвованій въ церквахъ ввѣренной Вамъ епархіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою о Христѣ любовію имѣю честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою Архіепископъ Агафангелъ.

На подлинномъ отношеніи резолюція Его Высокопреосвященства отъ 4 сего сентября за № 4482 послѣдовала такова: „Напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ настоящее отношеніе Архіепископа Рижскаго, съ приглашеніемъ духовенства Новгородской епархіи обратить вниманіе не разрѣшенный Св. Синодомъ 1 октября сего года сборъ пожертвованій на окончаніе постройки соборнаго храма въ Рижскомъ Свято-Троицкомъ женскомъ монастырѣ“.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

На псаломщическое мѣсто къ Ольховецкой церкви, Крестецкаго уѣзда, опредѣленъ заштатный псаломщикъ Блазнихской церкви, Старорусскаго уѣзда, Николай Летитскій, 25 августа.

Праздныя вакансіи.

Священническія: При Горнешенской церкви, Крестецкаго уѣзда, Староерговской — Череповскаго уѣзда, Старскогорской —

Боровичскаго уѣзда и при Семено-Раменской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда и Георгіевской Выставской—Новгородскаго уѣзда.

Діаконскія: При Моденской церкви—Устюжнаскаго уѣзда, Пашекожельской—Тихвинскаго уѣзда и при Прокопьевско-Бѣльской—Боровичскаго уѣзда.

Псаломщическія: При Аполецкой—Демянскаго уѣзда, Новгородскомъ Десятинскомъ монастырѣ, Мало-Вишерской—Крестецкаго уѣзда, при Мегринской—Устюжнаскаго уѣзда и при Званскомъ монастырѣ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Имперіи кружечнаго сбора въ теченіе сентября мѣсяца сего года въ Новгородскую Духовную Консисторію поступило:

Отъ Тихвинскаго Большаго монастыря—4 р. 20 к. Николо-Бесѣднаго мон.—1 р. Антоніе-Дымскаго мон.—2 р. Троицкой Реконской пустыни—80 к. Введенскаго женскаго мон.—1 р. Новгородскаго Юрьева мон.—1 р. 80 к. Настоятеля Юрьева мон. архимандрита Іоанникія—3 р. Новгородскаго Антоніева мон.—2 р. 60 к. Вяжищскаго мон.—1 р. Отенскаго мон.—1 р. Воскресенскаго Горицкаго мон.—1 р. Деревяницкаго мон.—1 р. 25 к. Новгородскаго Звѣрина мон.—3 р. 30 к. Десятинскаго мон.—4 р. 8 к. Новгородскаго Св. Духова мон.—1 р. 15 к. Отъ церквей 10 Новгородскаго округа—3 р. 19 к. 6 Новгородскаго округа—10 р. 65 к. 2 Новгородскаго округа—10 р. 75 к. 3 Новгородскаго округа—6 р. 95 к. 1 Новгородскаго округа—2 р. 25 к. 3 Тихвинскаго округа—3 р. 64 к. 5 Устюжнаскаго округа—1 р. 30 к. 1 Кирилловскаго округа—6 р. 43 к. 4 Старорусскаго округа—3 р. 75 к. 2 Валдайскаго округа—18 р. 42 к. 1 Боровичскаго округа—45 р. 22 к.

Итого—141 р. 73 к.

Редакторъ офіціальной части

Секретарь Консисторіи *Д. Андреевъ.*

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Ближайшія задачи дѣятельности православнаго духовенства.

Въ обществѣ, насколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ и по непосредственнымъ наблюденіямъ, началось отрезвленіе послѣ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые были пережиты нашею родиною въ послѣднее время. Политическія убійства, грабежи, забастовки вызываютъ справедливое осужденіе всѣхъ благомыслящихъ людей?.. Возьмите сочувственную телеграмму, посланную председателю совѣта министровъ П. А. Столыпину Новгородскою городскою Думою. Довольно крови—вотъ мысль, которая неотступно стоитъ въ головѣ каждаго, лишь только онъ подумаетъ о переживаемыхъ родиною обстоятельствахъ.

Вотъ уже поразительные для характеристики общественнаго настроенія факты.

Москва, 30 августа. Московскій комитетъ російской социаль-демократической рабочей партіи принялъ резолюцію противъ насильственныхъ экспропріацій. Въ этой резолюціи признается, что необходимо вести широкую агитацію письменно и устно противъ экспропріаціи частныхъ имуществъ; что необходимо указывать, что экспропріація даже казеннаго имущества не допустима въ настоящее время; что противъ тѣхъ членовъ партіи, которые занимаются экспропріаціей, должны быть приняты рѣшительныя мѣры. Московскій комитетъ никакихъ денегъ, полученныхъ путемъ экспропріаціи, не бралъ и впредь принимать не будетъ.

По вопросу объ экспропріаціи казенныхъ и частныхъ имуществъ состоялось постановленіе Бунда, о чемъ сегодня получено сообщеніе въ Москвѣ. Постановленіе Бунда слѣдующее: „Принимая во вниманіе, что во многихъ мѣстностяхъ брестъ-литовскаго района является стремленіе къ конфискаціи казенныхъ денегъ; что такая конфискація деморализуетъ массы, развивая въ нихъ съ одной стороны анархическія наклонности, а съ другой индифферентизмъ къ партіи, что тамъ, гдѣ происходитъ экспропріація, замѣчается дезорганизація рабочихъ,—Бундъ предлагаетъ бороться всѣми средствами съ этимъ явленіемъ“.

(Нов. Вр.)

Мысль о томъ, что довольно крови, грабежей, эта мысль скоро воплотится и выльется въ властномъ зовѣ народа русскаго: долой убійства, грабежи. Прежде осужденіе тѣхъ безнравственныхъ средствъ (убійства, грабежи), которыми революція старалась достигнуть своихъ цѣлей, вызывало только улыбки или и прямо издѣвательство со стороны слушателей. Теперь не то. Теперь общество слособно, по крайней мѣрѣ, прислушаться къ рѣчамъ апостола, въ которыхъ онъ призываетъ судъ Божій на тѣхъ людей, которые „дѣлаютъ зло, чтобы вышло добро“ (Рим. III, 8).

И такъ, отрезвленіе общества началось. Нужно ли однако говорить, что уроки пережитаго бурнаго времени не должны забываться какъ всѣми классами русскаго общества, такъ, въ частности, и духовенствомъ.

И прежде всего общій вопросъ—объ отношеніи духовенства къ совершающимся внутри Россіи событіямъ. На меня лично произвело сильное впечатлѣніе своею простотою рѣшеніе этого вопроса въ Саратов. Д. Вѣстн.

„Въ современномъ общественномъ движеніи, по словамъ названнаго журнала, духовенство должно ясно и отчетливо различать теченія. Первое революціонное, враждебно-настроенное и къ правительству, и къ православной церкви, и къ духовенству, стремящееся къ полному ниспроверженію тѣхъ духовныхъ и общественныхъ основъ и устоевъ, которыми жила и которая выработала Россія въ теченіе своего тысячелѣтняго существованія. Люди этого направленія желаютъ отказаться отъ всего прошлаго Россіи и начинать русскую исторію съ завтрашняго дня по западно-европейскому шаблону. Съ этимъ общественнымъ теченіемъ русское духовенство, очевидно, не только не можетъ мириться, но оно обязано ему противодѣйствовать и всячески противъ него предостерегать и общество, и народъ.

„Второе теченіе, во главѣ котораго стоитъ самъ Государь Императоръ, имѣетъ въ виду осуществить тѣсный взаимный и искренній союзъ между правительствомъ и народомъ, приблизить народъ къ престолу въ лицѣ избранныхъ имъ для того людей, дать должную и широкую свободу правдивому печатному и устному слову, привлечь общество и народъ къ живой, сознательной и плодотворной самодѣятельности, снять внѣшнія основы принужденія съ человѣческой совѣсти,—все это не только не противно духу и ученію православной церкви и лучшимъ преданіямъ русской исторіи, но вполне ими оправдывается и съ

ними совпадаетъ. Осуждая и отвергая первое общественное течене, какъ противное исторически выработанному самосознанію русскаго народа, духовенство должно отнестись со всякимъ сочувствіемъ и участіемъ ко второму, какъ дѣйствительно несущему зарю обновленія и улучшенія въ русскую народную жизнь. Смѣшивать оба эти теченія и не различая ихъ или огульно осуждать всякое стремленіе къ преобразованіямъ, или, наоборотъ, выражать сочувствіе газетамъ и рѣчамъ явно отрицательнаго направленія—было бы одинаково грубою и нежелательною ошибкой со стороны православнаго духовенства“.

Другой общій вопросъ относительно непосредственнаго участія пастырей въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ. Я слышалъ, какъ толковали 81 ап. правило: рекли мы, яко не подобаетъ епископу, или пресвитеру вдаваться въ народныя управленія, но неопустительно быти при дѣлахъ церковныхъ. Или убо да будетъ убѣжденъ сего не творити, или да будетъ изверженъ. Ибо никто же можетъ двумъ господамъ работати по Господней заповѣди“. Тутъ де идетъ рѣчь о занятіяхъ торговлею, о воинскомъ званіи; и во всякомъ случаѣ о такомъ общественно—государственномъ служеніи духовенства, которое мотивомъ своимъ имѣетъ *корысть* послѣдняго. Я читалъ и перечитывалъ 81 правило и, слыша вышеприведенныя его толкованія, только удивлялся, какъ можно совершенно ясную мысль его затемнить настолько, что выходило, какъ будто 81 правило и совсѣмъ не вооружается противъ вмѣшательства духовенства въ народныя управленія.

И я былъ радъ, когда сочувственный моимъ убѣжденіямъ взглядъ встрѣтилъ у вѣкаго Н. Болховецкаго въ его статьѣ „Церковный канонъ и мірское занятіе духовенства“ (Колоколь № 181).

Непосредственное участіе церковныхъ пастырей въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ, пишетъ Болховецкій, IV отдѣлъ предсоборнаго присутствія находитъ не противорѣчащимъ священному канону: каноническія правила, по предположеніямъ отдѣла, запрещаютъ клирикамъ будто бы только участіе духовныхъ лицъ въ „мірскихъ“ дѣлахъ „гнуснаго ради прибытка“. Но это едва-ли безспорно.

Правда, есть церковныя правила, которыми возбраняется епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ быть откупателями, или управителями (19 пр. соб. Карө.) и „упражнятыя въ воинскомъ дѣлѣ“ (ап. пр. 83), т. е. завѣдывать выдачею воинамъ жало-

ванья, провіанта, наборомъ войскъ, или другими подобными должностями, которыя въ гражданскихъ законахъ называются воинскими (Зонара, Вальсамонъ), „для пріобрѣтенія себѣ постыдзой прибыли“. Но всѣ такія правила представляютъ собою только примѣненіе общаго канона къ частнымъ случаямъ нарушенія его. Они указываютъ лишь на разные виды преступленія клириковъ противъ общаго церковнаго закона. А этотъ общій законъ таковъ.

81 ап. правило гласитъ: „рекли мы (вы 6 пр. ап.), яко не подобаетъ епископу, или пресвитеру вдаваться въ народныя управленія, но неопустительно быти при дѣлахъ церковныхъ. Или убо да будетъ убѣжденъ сего не творити, или да будетъ изверженъ. Ибо никто же можетъ двумъ господамъ работати по Господней заповѣди. Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ согласно толкуютъ это правило въ смыслъ общаго запрещенія клирикамъ участвовать „въ народномъ управленіи“, „въ публичныхъ народныхъ дѣлахъ“; они не упоминаютъ здѣсь ни о какой „корысти“, какъ мотивъ такого запрещенія, и присовокупляютъ, что такъ же должны быть понимаемы и 6 ап. пр., и 19 пр. соб. Карѣ. и 3 пр. 4 вс. соб. Какъ на главное основаніе такого запрещенія — и самыя правила, и помянутые ихъ толкователи указываютъ на то, что клирики, какъ „воинствующіе Богу“, не могутъ „служить двумъ господамъ, по Господней заповѣди“ и не должны „смѣшивать Божіе и кесарово“ а должны быть „неопустительно при дѣлахъ церковныхъ“.

По смыслу этого правила и его толкованій, непосредственное участіе духовныхъ пастырей въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ недопустимо и независимо отъ какой бы то ни было „корыстности“, потому недопустимо, что это — не пастырское дѣло и что это отвлекаетъ духовенство отъ прямыхъ его обязанностей.

А что при участіи въ дѣлахъ общественнаго и государственнаго управленія церковные пастыри дѣйствительно не могутъ быть „неопустительно при дѣлахъ церковныхъ“, это ясно изъ разсужденій и постановленія IV отдѣла о томъ, какъ быть пастырю, когда занятія въ общественныхъ или государственныхъ учрежденіяхъ отвлекаютъ его отъ богослуженія и исполненія требъ, или совсѣмъ отъ прихода и при томъ на нѣсколько лѣтъ (какъ члена Г. Думы — на 5 лѣтъ).

Возможность, а въ другихъ случаяхъ необходимость отвлеченія пастыря отъ церковныхъ дѣлъ ради участія въ дѣлахъ

„кесаревыхъ“ напередъ отдѣломъ признаны. Компромиссъ неизбѣженъ. И въ какомъ же видѣ представленъ онъ въ работахъ отдѣла? Если, читаемъ мы здѣсь, участіе духовенства въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ будетъ признано законнымъ, то законъ же долженъ принять подъ свою защиту православные праздники, чтобы дать возможность церковнымъ пастырямъ принять участіе въ дѣлахъ общества. Но—во-первыхъ, строить какое-либо зданіе на „если“ едва ли—прочная работа. Во вторыхъ, раздвоеніе пастырскаго дѣла между „Божіимъ и кесаревымъ“ здѣсь понято слишкомъ внѣшне-механически, безъ вниманія къ психологическому, нравственному, „дѣленію на ся“ въ настроеніи церковнаго пастыря. Въ-третьихъ, совсѣмъ упущенъ изъ вида вопросъ о неотложныхъ дѣлахъ пастыря-священника въ случаѣ экстреннаго, никакими сроками не предвидѣннаго, исполненія требы или устроенія миссіонерской бесѣды и пастырскаго увѣщанія.

А на случай оставленія пастыремъ своего прихода на 5 лѣтъ, по случаю избранія, напр., въ Г. Думу, отдѣлъ рекомендуетъ буквально пастырское „наемничество“: приходскій пастырь на время своей выборной службы подыскиваетъ себѣ, съ согласія прихожанъ, замѣстителя изъ заштатныхъ священниковъ, діаконъ и молодыхъ кандидатовъ священства, такъ сказать, для пастырской практики, съ предоставленіемъ такому замѣстителю всего содержанія по замѣщаемой имъ должности. По окончаніи же срока своей выборной службы, пастырь-депутатъ снова возвращается къ своему приходу, а до сего времени руководитъ своего замѣстителя или письмами (?) или самолично въ перерывахъ занятій въ выборныхъ учрежденіяхъ.

Паства, обреченная на участь эксперимента, пастырь—„наемникъ“, руководство письмами за тысячи верстъ, когда пастырское руководство требуетъ работы „на жизнь и смерть“ —, все это, какъ нельзя яснѣе говорить о томъ, что, участвуя въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ, пастыри церкви не могутъ быть „неопустительно при дѣлахъ церковныхъ“ какъ то требуется и ихъ прямымъ служеніемъ, и священными канонами.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Желательная реорганизація церковныхъ школъ.

Въ настоящее время жизнь русскаго общества подъ напоромъ общественнаго движенія выходитъ изъ стараго русла и,

пролагая новые пути, стремится къ осуществленію новыхъ нормъ гражданскаго быта. Задачей этого историческаго движенія служить не только воплощеніе въ жизни элементовъ гражданской свободы, но и прочное закрѣпленіе ихъ широкой культурной работой въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія. Несомнѣнно въ ряду государственныхъ вопросовъ, вопросъ о народномъ образованіи, какъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ, займетъ вниманіе будущей Государственной Думы. Такимъ образомъ, невольно возникаетъ вопросъ, какая судьба ожидаетъ церковную школу?

Родная по вѣрѣ и духу русскому народу, она въ незначительный сравнительно срокъ своего официальнаго существованія, лучами христіанскаго просвѣщенія освѣтившая сѣверъ и югъ, востокъ и западъ необъятной Россіи, тѣмъ самымъ, пріобрѣла въ ней полное право гражданства и заслуженно выступила на путь самостоятельнаго историческаго развитія.

Конечно, существуютъ и печальныя исключенія въ видѣ тѣхъ немногихъ школъ, въ которыхъ церковно-просвѣтительное значеніе или мало, или совсѣмъ не достигаетъ цѣли, гдѣ церковному пѣнію не учатъ, регулярныхъ дѣтскихъ чтеній за службой не бываетъ, самъ учитель рѣдко заглядываетъ въ церковь, ребята за богослуженіемъ шалютъ, а глава школы—священникъ небрежетъ о школьномъ дѣлѣ, душа школы—учитель далеко не церковнаго духа: гдѣ школьныя помѣщенія и тѣсны, и сыры, и холодны, гдѣ голодные учителя забиты, тупѣютъ въ одиночествѣ безъ книгъ, безъ развлеченій. И вотъ тогда-то—въ моментъ разрѣшенія народными представителями вопроса о народномъ образованіи—и выступаютъ на сцену враги церковной школы, и они навѣрно не съ любовью и снисхожденіемъ отнесутся къ ея недостаткамъ, а, наоборотъ, постараются отмѣтить ихъ, преувеличить, чтобы вѣрнѣй нанести имъ ударъ. Но какъ бы ни были сильны враги церковныхъ школъ, духовенство во имя интересовъ церкви и собственнаго престижа должно сплотиться для не менѣе сильной и энергичной борьбы за идею церковной школы, какъ за основу православія и русской народности. Помимо усиленія собственной школьной дѣятельности духовенство должно обратиться къ народу съ живымъ и проникновеннымъ словомъ объ идеалахъ и задачахъ церковной школы, какъ преддверія церкви, воспитывающей юныя поколѣнія въ духѣ православной церкви, въ искреннемъ и сердечномъ послушаніи ей, а равно также научающей дѣтей и основнымъ начальнымъ познаніямъ, необходимымъ въ жизни. Въ цѣляхъ упомянутой

борьбы духовенство должно убѣдить народъ въ томъ, что его народо-образовательная миссія принадлежитъ ему не въ интересахъ узко-клерикальныхъ, какъ сословія, не въ цѣляхъ также и угожденія правительству, какъ ехидно утверждаютъ нѣкоторые изъ представителей печати и либеральной прессы, но что, наоборотъ, оно несетъ этотъ многовѣковый трудъ по праву божественнаго апостольскаго посланничества, далѣе — по праву исторіи, что, наконецъ, его не лишено духовенство такихъ высококультурныхъ странъ, какъ Англія и Америка, гдѣ церковныя школы, имѣющія полное право гражданства, свободно развиваются на ряду съ школами другихъ типовъ и наименованій. Понятно, что одной проповѣди не достаточно, хотя и она должна будетъ возымѣть на исконно-религіозное народное чувство известное желательное воздѣйствіе. Главное же, повторяю, духовенству предстоитъ роковая необходимость самоотверженной до увлеченія, до изнеможенія школьной работы, но не въ одиночествѣ пастырей, такъ — какъ бы одному лицу выполненіе церковно-школьной задачи не по силамъ, но обязательно въ совмѣстной и дружной работѣ съ клиромъ и приходскимъ церковно-школьнымъ совѣтомъ.

Какая злая судьба, однако, преслѣдуетъ нашу родную церковную школу! Вотъ — онъ, пастырь, глава церковной школы, работающій, какъ волъ, на нивѣ духовнаго просвѣщенія, одинокій, беспомощный, при изумительномъ равнодушіи къ судьбамъ народнаго просвѣщенія со стороны клира (добрыя исключенія рѣдки) и прихода. Какъ часто измученный борьбой и бесполезнымъ ожиданіемъ отъ нихъ сочувствія, поддержки, помощи — онъ, скрѣпя сердце, вынужденъ бываетъ обращаться съ школьной нуждой къ старостѣ, уряднику, земскому. Какъ ты еще крѣпишься родная, церковная школа! Какъ еще держать тебя земля русская! А держать тебя, пока есть еще силушка, — хребты пастырскіе безотвѣтные, многострадальныя, да и тѣ готовы склониться къ сырой землѣ съ горькой жалобой на непосильную работу, трудную, одинокую... Къ великому несчастію для церковно-школьнаго дѣла служить, между прочимъ, и современное правовое положеніе низшихъ членовъ клира, — по идеѣ Христа, сотрудииковъ пастыря въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія паствы, нынѣ же вмѣняющихъ себѣ чуть не въ добродѣтель ничего недѣланіе на нивѣ духовнаго просвѣщенія народа. Необходимо въ интересахъ процвѣтанія церковно-школьнаго дѣла немедленное устраниеніе этой исторической непослѣдовательности, проще

говоря, поблажки; необходимо, чтобы работали на пользу школы всѣ члены клира.

Тамъ, гдѣ пастырь и въ союзѣ съ клиромъ является сильнымъ справиться съ школьными нуждами, его долгъ обратиться за содѣйствиемъ не къ вышеупомянутымъ властямъ, а къ церковно-приходскому совѣту. Непосредственное участіе прихода въ устроении школы пріучить прихожанъ смотрѣть на школу, какъ на родное дѣтище. Только въ совмѣстной дружной работѣ духовенства съ приходскимъ совѣтомъ церковная школа въ состояніи оправдать свое высокое назначеніе. Безъ живого творческаго духа народа церковныя школы быстро увянутъ, не успѣвъ расцвѣсть.

Далѣе, въ цѣляхъ возвышенія ихъ культурнаго значенія для страны необходимо расширить въ нихъ общеобразовательную программу, въ соотвѣтствіе съ осложнившимися требованіями времени, съ быстро развивающимся самосознаніемъ народа. Только при этихъ условіяхъ, выдвигаемыхъ современнымъ историческимъ моментомъ, церковная школа будетъ приносить народу дѣйствительную пользу, будетъ содѣйствовать поднятію его жизненныхъ условій и расширенію его міросозерцанія. Кажется, прошло то время, когда мысль обслуживаемаго духовенствомъ народа не простиралась далѣе предѣловъ извѣстнаго прихода. Понятно, что тогда церковная школа могла вполне удовлетворять своей несложной мудростью нужды народа, воспитаннаго въ благочестивыхъ традиціяхъ прошедшихъ временъ. Не то—теперь. Въ наши дни, когда общественная жизнь стремится впередъ гигантскими шагами, когда народная мысль, руководимая великими событіями, зрѣетъ не по днямъ, а по часамъ, не только церковныя, но и другія болѣе высшія школы начинаютъ отставать отъ жизни, и ихъ ученія вступаютъ въ грозный конфликтъ съ ученіями жизни, преклоняющимися предъ иными вѣяніями и принципами, чарующими, побѣдоносными. Измѣняется жизнь, должна измѣнить свой видъ и школа, служащая отраженіемъ жизни. Господствовавшее въ церковныхъ школахъ учебно-воспитательное дѣло должно быть приноровлено къ приготовленію изъ подростяющихъ поколѣній свободныхъ гражданъ, свободныхъ братьевъ во Христѣ. Чтобы не быть безпомощнымъ и подавленнымъ съ быстротою вихря несущейся жизнью, чтобы не растеряться въ шумѣ и грохотѣ машинъ и паровозовъ, необходимо каждому гражданину имѣть въ запасѣ извѣстный мѣръ знанія. Кромѣ элементарной грамотности школа должна давать не-

обходимыя свѣдѣнія изъ естествовѣдѣнія, географіи, исторіи, сельскаго хозяйства. Безъ этихъ знаній, какъ отдѣльный человекъ, такъ и весь народъ окажется безсильнымъ также и въ совершающейся міровой борьбѣ. Усложнившаяся общественная жизнь Россіи неумолимо требуетъ для народа самыхъ разнообразныхъ знаній, необходимыхъ каждому для успѣшнаго исполненія его задачъ. Разсадникомъ этихъ знаній должны быть и всѣ церковныя школы съ дополненной программой и пятилѣтнимъ курсомъ. Какой глубокой трагизмъ заключается въ жалкомъ и безпомощномъ положеніи народа, въ его стремленіи опредѣлить свое отношеніе къ совершающимся внутри страны событіямъ, когда не умѣя разобраться въ нихъ, онъ долженъ глубоко страдать, сознавая свое безсиліе понять ихъ духъ, ихъ смыслъ, чувствуя себя въ оковахъ невѣжества!

Сколько жизней и крови было бы сохранено, если бы эти некультурные народные слои могли сознательно отнестись къ совершающемуся вокругъ нихъ обновленію жизни и разобраться въ хаосѣ навязываемыхъ имъ со всѣхъ сторонъ правовыхъ и неправовыхъ нормъ политической жизни. Но вотъ миновала борьба, народу обезпечены права свободы, онъ избираетъ своихъ представителей для управленія страной—и что-же? И тутъ онъ является безсильнымъ отличить друзей отъ враговъ. Такимъ образомъ, чтобы закрѣпить въ народѣ право на самоопредѣленіе въ сферѣ общественныхъ и государственныхъ отношеній, чтобы избавить его отъ великихъ ошибокъ и разочарованій, нужно дать ему широкое образованіе, приспособивъ для этого церковно-приходскую школу и школу грамоты съ измѣненной и значительно расширенной программой.

Что-же касается предполагаемаго увеличенія расходовъ, связанныхъ съ увеличеніемъ курса церковныхъ школъ, то, при оставленіи на службѣ наличнаго контингента учащихся, они могутъ быть свободно покрыты изъ источниковъ, на средства которыхъ существуютъ и въ настоящее время церковныя школы. Эти школы, какъ народныя, на пути своего осуществленія не должны знать никакихъ экономическихъ препятствій.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что, благодаря реорганизации, церковныя школы пріобрѣтутъ искреннюю любовь и довѣріе народа, а вмѣстѣ съ моральной и матеріальной его поддержку. А главное, преобразованная церковная школа дастъ выходъ могучему стремленію народа къ свѣту и знанію, дастъ отечеству множество талантовъ, обреченныхъ при теперешнихъ

условіяхъ просвѣщенія, на безслѣдное вымираніе, при лучшихъ же условіяхъ его способныхъ поднять могущество Россіи, дать ей новыя силы для борьбы съ внѣшними и внутренними ея врагами.

Новая церковная школа дастъ выходъ и накопившимся богатымъ силамъ духовенства въ его культурной христіанской работѣ. А не сумѣетъ, не возьметъ на себя оно труда по освобожденію паствы отъ оковъ невѣжества, тогда придутъ иные дѣлатели и поведутъ его паству къ инымъ берегамъ, иному царству... Прервется тогда нить многовѣковаго вліянія духовенства, какъ культурнаго христіанскаго дѣятеля на юныя народныя поколѣнія, и на вѣки замретъ одинъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ факторовъ его воспитывающаго вліянія на народъ. Съ потерей же исторической многовѣковой школьной миссіи и само духовенство вынуждено будетъ сойти съ высокой исторической сцены и умалиться въ пастырскомъ значеніи для народа.

Да не будетъ этого! *).

Какъ извращается задача дѣятельности приходскихъ совѣтовъ.

„Это еще не приходъ, когда благотворительное вліяніе его создаетъ улучшенія среди дѣтей, бѣдныхъ, больныхъ, а также заключенныхъ въ тюрьмы и падшихъ, словомъ такъ или иначе находящихся въ страдательномъ положеніи. Приходъ есть и является въ то время, когда всѣ его здравые и дѣятельные члены поставили себѣ непремѣнной задачей достигнуть истинно христіанской жизни, проникнуты этимъ дѣятельнымъ стремленіемъ, единятся въ немъ. И если мы предъявимъ себѣ этотъ высшій счетъ и по нему будемъ считаться съ мірянами своей общины, тогда мы спасены—стоимъ на своемъ мѣстѣ, дѣлаемъ большое дѣло и вызываемъ признаніе насъ, до уваженія къ намъ. А если мы соскользнемъ съ этой позиціи, безспорно лежащей въ идеѣ православно-христіанскаго прихода; тогда все размѣняется на мелочи—мы будемъ бояться, что вошедши въ церковный совѣтъ въ большемъ противъ теперешняго числа, міряне заберутъ силу, будутъ распоряжаться всѣмъ въ приходѣ, а насъ совсѣмъ устранять: а они, міряне, будутъ очень соблазнены вотъ этой возможностью быть главными распорядителями, заведутъ войну, и опять прихода нѣтъ“.

*) Орл. Епарх. Вѣд.

Вотъ золотыя слова протоіерея—профессора С. А. Соллертинскаго, которыя должно каждому священнику написать себѣ на память и приклеить на самомъ видномъ мѣстѣ въ кабинетѣ.

У насъ, въ епархіи, противъ приходскихъ совѣтовъ слышались возраженія. И насколько помнится возраженія эти исходили между прочимъ изъ тѣхъ соображеній, что де при бѣдности населенія приходскіе совѣты по необходимости обратятся въ пустой звукъ. Приходскій совѣтъ призывается развивать благотворительную и просвѣтительную дѣятельность, а крестьяне наши и безъ того бѣдны—какіе же тутъ могутъ быть приходскіе совѣты?

Ну не грубѣйшее ли заблужденіе такія рѣчи! Не слышится ли въ нихъ полное непониманіе самыхъ основныхъ задачъ приходскихъ совѣтовъ?

Прочитайте только что приведенныя слова проф. С. А. Соллертинскаго, и вы увидите, что приходскій совѣтъ можетъ начать работать и при бѣдности населенія. „Приходъ есть и является въ то время, когда всѣ его здравые и дѣятельные члены поставили себѣ неперемѣнной задачей достигнуть истинно христіанской жизни, проникнуты этимъ дѣятельнымъ стремленіемъ, единятся въ немъ“.

И едва мысль останавливается на этой главной задачѣ дѣятельности приходскаго совѣта, какъ открывается цѣлое поле бросающихся въ глаза недостатковъ нашей религіозно-нравственной жизни, съ которыми можетъ и долженъ вступить въ борьбу приходскій совѣтъ. Пьянство, сквернословіе въ народѣ, холодность прихожанъ къ посѣщенію храма, неблагоговѣйное стояніе въ немъ, безобразія во дни народныхъ праздниковъ и т. д. и т. д.

Ну развѣ есть у насъ такіе приходы, о которыхъ можно было бы сказать, что религіозная жизнь въ нихъ протекаетъ безъ всякихъ тѣней? Если же этого нельзя сказать, то нельзя сказать и того, чтобы открытіе приходскихъ совѣтовъ гдѣ—н. было дѣломъ излишнимъ. Богатства и вообще денегъ для открытія такихъ приходскихъ совѣтовъ не нужно; нужно только добрая воля священника и тѣхъ, кто готовъ помочь ему въ искорененіи указанныхъ пороковъ.

Въ какую же форму выливаются приходскіе совѣты у насъ, въ епархіи, въ наличной дѣйствительности?

Когда были прочитаны правила, которыми призваны руководиться въ своей дѣятельности приходскіе совѣты въ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, то всѣ по чему-то обратили

вниманіе на тотъ пунктъ правилъ, въ которомъ говорилось, что члены приходскихъ совѣтовъ могутъ быть приглашаемы священникомъ и старостой для разсужденій по вопросу о расходованіи церковныхъ суммъ. Это правило было понято, какъ основная идея приходскихъ совѣтовъ. И вотъ въ послѣдній избираются люди, которые по мнѣнію избирателей могли составить оппозицію духовенству.

Добрый христіанинъ въ праздникъ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить храмъ Божій, а въ члены *приходскаго совѣта* въ этомъ городѣ попали люди, которыя въ храмѣ рѣдкіе гости. Имъ бы обратить вниманіе хотя бы на то, что рядомъ съ храмомъ наканунѣ воскресенья устраиваются репетиціи спектаклей, отвлекающихъ населеніе отъ посѣщенія всенощныхъ: а члены приходскаго совѣта сочли всѣ свои обязанности выполненными, наложивши свое veto на деньги, которыя ихъ храмъ вносилъ и обязанъ вносить на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Ну не нелѣпость ли такія явленія? И гдѣ тутъ тотъ приходскій совѣтъ, о которомъ говоритъ проф. С. А. Соллертинскій?

Въ другомъ мѣстѣ, уже въ деревнѣ, когда священникъ сталъ вычитывать правила, которыми учреждались приходскіе совѣты, на лицахъ стоящихъ въ церкви видѣлось сначала равнодушіе. Оживились эти лица опять только тогда, когда священникъ прочитывалъ опять же указанный пунктъ о допущеніи членовъ совѣта къ церковной казенкѣ.

Ужели и вездѣ дѣло съ приходскими совѣтами обстоитъ такъ, какъ въ этомъ городѣ и селѣ? — Отзовитесь, пастыри Новгородской церкви! Не для того, чтобы вамъ похвалиться сдѣланнымъ, а для того, чтобы вашему доброму примѣру послѣдовали и другіе, чтобы вашъ примѣръ образумилъ тѣхъ, которые заблудились, неправильно понявъ идею приходскаго совѣта.

Одна изъ причинъ слабаго вліянія духовенства на народъ..

Въ № 35 Церковно-Общественной жизни помѣщена любопытная статья извѣстнаго публициста В. В. Розанова „Въ своемъ углу“.

Совершенно неожиданными являются соображенія В. В. Розанова относительно причинъ слабаго вліянія православнаго духовенства на народъ.

„Евреи, пишет В. В. Розановъ, видите ли, „все захватываютъ“. Это не „вѣчные“ цыгане, ворующіе только куриць, а люди даровитые, чуть ли не геніальные, которымъ не умѣютъ, не могутъ противиться другіе народы и, въ частности, нашъ слабый, русскій...

Да, которые пьютъ водочку—не могутъ противиться. Духовенство наше, рѣшившись объявить водочку „скромной“, могло бы застраховать русскій народъ отъ „израильскаго порабощенія“. Отчего духовенство не рѣшится на такую мѣру? Само попиваетъ—вотъ тайна. И только. Ну, съ такими наставниками, которые сами тянутся къ водочкѣ и народъ тащатъ за собою туда же, конечно нельзя ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ культурно бороться. И вообще причина бытовою, моральной и исторической слабости и шаткости народа русскаго лежитъ въ такихъ качествахъ нашего духовенства, которыхъ конечно ни трезвые татары, ни смысленные евреи у своего духовенства не потерпѣли бы, не вынесли бы. „Казенный попъ“ (не выборный), тронуть его нельзя—и дѣлаетъ что хочетъ. Трезвъ—слава Богу, а не трезвъ—потерпи, блудливъ, злословивъ—и на это „не ропщи“. Съ такими условіями несчастному русскому племени остается только вырождаться, что оно и дѣлаетъ.

Евреи поѣдаютъ гнилое, они—міровые фагоциты. Мечниковъ открылъ въ крови присутствіе этихъ протоплазмическихъ существъ, которыя на всякое инфекціонное заболѣваніе, на всякій микробъ, попавшій въ кровь—реагируютъ тѣмъ, что уничтожаютъ, поглощая его. Вотъ Евреи и ютятся въ гнилыхъ частяхъ челоуѣчества (нашъ Юго-Западный край), шаткихъ, пьяныхъ, несчастныхъ больныхъ, слабыхъ, безъ вождей, а только съ „попами“: и уничтожаютъ это вдрызгъ, до небытія, вырожденія, окончательной гибели и смерти. Гнилое—изъ міра вонъ: вотъ ужъ если нужно искать „миссію“, то къ такой „приготовлены“ Евреи. Не забуду одного талмудическаго правила! уроды изъ нихъ, калѣки—еще во времена Храма—засаживались, чтобы отбирать изъ дровъ, предназначенныхъ на жертвенникъ, такія полѣнья, которыя по тщательномъ осмотрѣ обнаруживали въ себѣ червоточинку, загнившій сучекъ, вообще малѣйшую „слабость“ и „болѣзнь“. Таковыя дрова употреблять на священный огонь считалось „грѣхъ“. Евреи, культурно, традиціонно, наконецъ по закону и религіи считаютъ „грѣшнымъ“ и „Богу противнымъ“ все гнилое, слабое, съ гаснущею въ немъ жизнью: въ существахъ и, наконецъ, въ племенахъ и цивилизаціяхъ. И такое—

прямо истребляютъ, эксплуатаціей, гнетомъ, дальнѣйшимъ спаиваніемъ и вырожденіемъ. Вотъ почему они для „заболѣвшаго народа“, съ пьяными, напимѣръ, батюшками—прямо ужасны“.

Приведенныя мѣста ихъ статьи В. В. Розанова съ своею этому писателю рельефностью указываютъ на одно изъ страшныхъ золъ русской жизни, на которое къ сожалѣнію у насъ обращаютъ очень мало вниманія.

„Правда, есть труженики—трезвенники, которые уже объединились въ общества и кружки и съ пользою работаютъ на этомъ трудномъ поприщѣ, но ихъ слишкомъ мало на обширнѣйшемъ пространствѣ нашей многомилліонной матушки Руси. Жатва слишкомъ обильна и этихъ дѣлателей еще недостаточно. Нѣтъ сомнѣнія, что есть вообще добрые люди, которые слишкомъ болѣютъ объ этомъ народномъ бѣдствіи, но они, въ большинствѣ, одиноки и потому беспомощны. То окружающее общество не только безучастно, но и несочувственно относится къ благимъ начинаніямъ и порывамъ такихъ лицъ, называя эти начинанія лишь затѣей; то этимъ начинаніямъ нерѣдко приходится проходить чрезъ разнаго рода формальности и законности; то, какъ нерѣдко бываетъ, къ прискорбію, въ средѣ духовенства, инициаторы этихъ начинаній окрещиваются нелестной кличкой „высочки“, желающаго порисоваться своею дѣятельностью предъ начальствомъ и публикой. Понятно, что у этихъ добрыхъ начинателей, при такихъ обстоятельствахъ, энергія ослабѣваетъ, горячіе порывы остываютъ, благіе планы разстраиваются и лишь боль душевная да тоска усугубляются. Конечно, малодушіе въ такомъ важномъ дѣлѣ не должно бы имѣть мѣста, сразу вѣдь трудно такое дѣло направить, но не всякій вѣдь настолько силенъ и мужественъ, чтобы не смутиться первыми неудачами и при неудачахъ продолжать съ самоотверженіемъ работать. Намъ лично извѣстно нѣсколько случаевъ, когда нѣкоторые изъ іереевъ, особенно молодыхъ, вначалѣ горячо и ретиво брались за это дѣло, но, не встрѣтивъ поддержки и сочувствія, охладѣвали и дѣло предавалось забвенію. А вѣдь прежде всего на священникахъ именно и лежитъ обязанность не только почина, но и самой ревностной дѣятельности въ этомъ великомъ дѣлѣ. Между тѣмъ съ прискорбіемъ нужно сознаться, что почти никогда ни на Епархіальныхъ, ни на Благочинническихъ съѣздахъ духовенства, ни вообще коллективно, вопросъ объ отрезвленіи народа и о борьбѣ съ „зеленымъ змиемъ“ духовенствомъ не обсуждался и не обсуждается. Но о причинахъ

этому не будемъ распространяться. Скажемъ впрочемъ, что нѣкоторые изъ іереевъ считаютъ вполне достаточнымъ орудіемъ для духовенства въ борьбѣ съ пьянствомъ убѣжденную церковную проповѣдь. Но, замѣтимъ на это, они забываютъ, что слово безъ дѣла въ данномъ случаѣ почти всегда безплодно. Есть, правда, и въ этомъ доля пользы, но лишь для тѣхъ, которые еще не подвержены пьянству, такъ какъ убѣжденное слово священника, да еще умѣло нарисованная въ словѣ картина пагубности пьянства, несомнѣнно, западаютъ въ душу многихъ изъ слушателей и отвращаютъ ихъ отъ пьянственнаго разгула. Зато до тѣхъ несчастныхъ, которые уже погрязли въ пьянствѣ, слово церковное не долетаетъ и чувства и сердца ихъ, значить, не будитъ, ибо въ церковь эти жалкіе не заглядываютъ. Для отрезвленія такихъ нуженъ иной способъ борьбы съ пьянствомъ^{*)}).

Этотъ способъ извѣстенъ и извѣданъ. Онъ—основаніе обществъ трезвости, въ которыхъ образцомъ воздержанія является самъ священникъ.

Обычай „сдачи мѣста“ въ духовенствѣ.

Обычай этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, кажется, прежде всего матеріальной необеспеченности духовенства. Возьмите какого угодно члена причта, умирающаго даже въ настоящее время до выслуги пенсіи. Семья его получитъ въ годъ 12 руб. изъ попечительства, жалкую эмеритурку въ нѣсколько десятковъ руб. въ годъ. Вотъ и все. Прежде, когда не существовало эмеритальной кассы, положеніе семей умершихъ членовъ клира было еще болѣе печальнымъ. Клочекъ земли около дома или огородъ, пособіе изъ попечительства, а дальше... Иди и въ буквальномъ смыслѣ побирайся у прихожанъ. При такомъ положеніи дѣлъ „сдача мѣста“ среди духовенства была и остается во многихъ случаяхъ обычаемъ, который поддерживается горькою необходимостію. Вышла замужъ дочь умершаго члена причта, это значить въ семьѣ вдовы убавился лишній ротъ. Затѣмъ, какъ ни какъ, а свой своему по неволѣ братъ. Есть надежда, что зять, поступившій въ данный приходъ, поможетъ ни тѣмъ, такъ другимъ.

Въ такомъ видѣ представляется обычай сдачи мѣста, если посмотрѣть на него съ одной стороны. Раздумайтесь надъ тѣмъ

^{*)} Кормчій № 34 с. г.

же обычаемъ независимо отъ мысли о необезпеченности духовенства, въ немъ открывається одна изъ темныхъ сторонъ нашей церковной жизни, которая настоятельно требуетъ надлежащей оцѣнки.

Кончающіе курсъ семинаристы мечтаютъ о своемъ будущемъ служеніи. Идеалисты между ними, занимающіе мѣста по списку въ началѣ его, мечтаютъ о трудахъ пастырства и обязательно о бракѣ по любви. Поклонники лѣни, очищающіе хвосты списковъ, тѣ разсуждаютъ: „а я „въ домъ“: хозяйство готовое— и хлопотать ненужно“. И очень часто случается такъ, что семинаристъ, кое-какъ кончившій курсъ, по выходѣ изъ семинаріи, благодаря его готовности поступить въ домъ, занимаетъ прекрасное мѣсто въ городѣ; а его товарищъ— студентъ весь вѣкъ трется гдѣ—н. въ деревнѣ на самомъ заурядномъ мѣстѣ. Ну не нелѣпость ли это?

Не вреднымъ пережиткомъ ли времени является и вообще эта „сдача мѣсть“?

Вы представьте себѣ должность, положимъ, члена суда, банковскаго чиновника, начальника станціи и т. д. Представьте возможность закрѣпленія этихъ должностей за дочерями. Самая мысль объ этомъ является нелѣпою. А вотъ въ томъ служеніи, которое считается служеніемъ выше-ангельскимъ, тамъ все можно. Тамъ можно вполне мириться съ тѣмъ, что преемникъ даннаго священника, при наличности богословскаго образованія, сдѣнивается въ своемъ достоинствѣ, въ своей пригодности занять данное мѣсто, только по его согласію или несогласію жениться вотъ на этой дѣвушкѣ. „Хорошо тому жить, кому бабушка ворожить“. И не благодаря ли между прочимъ этому закрѣпленію мѣсть, видныя мѣста въ каждой епархіи оказываются занятыми людьми не всегда наиболѣе достойными? Легко занявъ тепленькое мѣсто благодаря „удачной“ жинитьбѣ, такіе члены клира не надсядутся отъ работы. Зачѣмъ работать, если ихъ личный опытъ со всею очевидностію доказалъ имъ, что можно хорошо устроиться и безъ работы?

На вопросъ о „сдачѣ мѣсть“ насъ натолкнула статья „Обычай „сдачи мѣста“ подъ перомъ свѣтской писательницы“, помѣщенная въ Московскихъ Церковныхъ вѣдомостяхъ.

Нашему переходному времени, читаемъ мы въ ней, предстоитъ произвести окончательный судъ надъ однимъ стариннымъ и весьма распространеннымъ среди духовенства обычаемъ, обычаемъ такъ называемой сдачи мѣста. Обычай этотъ обязанъ

своимъ происхожденіемъ крайней необезпеченности духовенства и въ прежнее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принималъ формы, для нашего времени прямо невѣроятныя. Такъ мѣста зачислялись за малолѣтними, едва не трехлѣтними дѣвочками-сиротами и оставались праздными до ихъ совершеннолѣтія; или дѣвицъ-невѣстъ, имѣвшихъ право на мѣста, но почему-либо не успѣвшихъ найти себѣ жениха, ставили во время уроковъ у дверей старшихъ, богословскихъ классовъ духовныхъ семинарій, чтобы кто-либо изъ ованчивающихъ курсъ семинаристовъ обратилъ вниманіе на этихъ невѣстъ и пожелалъ занять пустующее мѣсто. Бывали и другіе курьезы въ этомъ родѣ. На причетническія мѣста набирали жениховъ изъ великовозрастныхъ учениковъ училищъ *). Бывали и бывають доселѣ и такіе случаи, что престарѣлые или даже просто пожилые священники и вообще члены причта сдавали свои мѣста дочерямъ еще при жизни, а сами или уходили на покой (за штатъ), или поступали въ такъ называемые ранніе священники, или даже переходили на священническія мѣста въ другіе приходы.

Какъ за, такъ и противъ указаннаго обычая можно сказать многое. Въ основѣ этого обычая лежитъ несомнѣнно доброе чувство состраданія къ дѣйствительно безвыходному зачастую положенію осиротѣвшей семьи, которой безъ этого пришлось бы въ буквальномъ смыслѣ слова умирать съ голоду. Кромѣ того, и все, что успѣлъ пріобрѣсти и скопить умершій клирикъ—домъ, хозяйство—все это не передалось за безцѣнокъ его преемнику, но переходило въ свою же семью и давало не малое подспорье начинавшей жить снова семьѣ. Неудивительно поэтому, что духовенство такъ крѣпко держалось и держится еще и теперь за этотъ обычай. Но съ другой стороны, обычай этотъ имѣетъ немало и отрицательныхъ и несимпатичныхъ сторонъ. Прежде всего, при такомъ способѣ замѣщенія священническихъ и причетническихъ мѣстъ самое замѣщеніе производится спѣшно и мало представляетъ гарантій успешности дѣла. Приходъ зачастую получаетъ священника не такого, какой ему нуженъ или какого онъ стоитъ, но такого, какого успѣли найти осиротѣвшей невѣстѣ, кто согласился жениться на ней. Приходъ обширный, нуждающійся по своему составу въ священникѣ опытномъ и даже пожилымъ или интеллигентномъ, можетъ получить въ священники почти мальчика, человекъ совершенно неопытнаго и не интел-

*) Объ этомъ напр. очеркъ «Женихи» въ «Бурсѣ» Помяловскаго.

дигентнаго, между тѣмъ какъ люди во всѣхъ отношеніяхъ достойные такого прихода и для него полезны, никогда не получаютъ этого прихода, хотя бы не только сами просились на него, но за нихъ ходатайствовали бы и прихожане. Желаніе прихожанъ тоже не удовлетворяется при этомъ. Правда, иногда среди вліятельныхъ прихожанъ собирается въ такихъ случаяхъ „заручная“, т.-е. коллективная просьба къ епархіальному начальству за найденнаго осиротѣвшею семьею кандидата, или кто-либо изъ такихъ прихожанъ принимаетъ на себя личное ходатайство предъ епархіальнымъ начальствомъ за этого кандидата, но это дѣлалось и дѣлается, понятно, не ради извѣстныхъ просителямъ достоинствъ этого послѣдняго, а тѣмъ болѣе не ради нужды прихода, а единственно ради униженныхъ и неотступныхъ просьбъ осиротѣвшей и ищущей новаго кормильца семьи.

Положеніе выдаваемой такимъ образомъ замужъ невѣсты особенно печально. Въ короткій срокъ, назначенный для пріисканія жениха, въ осиротѣвшій домъ пріѣзжаютъ женихи, обыкновенно въ сопровожденіи родителей, преимущественно матерей; происходитъ довольно-таки откровенная оцѣнка „мѣста“ и торгъ относительно приданаго, а сама невѣста, живая и чувствующая личность, является какимъ-то придаткомъ къ мѣсту, — съ которой иной изъ жениховъ и десяти словъ не скажетъ. Она должна получить мужа, — того, съ кѣмъ ей отнынѣ суждено прожить цѣлую жизнь, — не по симпатіи, а тѣмъ болѣе не по любви, — она должна получить того, кто согласится ее взять, кого ей дадутъ. А возможно и, разумѣется, бываетъ, что у нея уже есть избранникъ сердца, или она еще учится и желаетъ и имѣетъ способность учиться, или совсѣмъ не желаетъ итти замужъ, а хочетъ посвятить себя какой-либо дѣятельности и т. п. Къ этому нужно прибавить, что въ памяти осиротѣвшей семьи и между прочимъ невѣсты еще далеко не успѣли изгладиться и исчезнуть тяжкія впечатлѣнія предсмертной болѣзни, смерти и похоронъ умершаго мужа и отца, о чемъ и о которомъ напоминаетъ въ домѣ и хозяйствѣ рѣшительно все; и въ это-то время приходится принимать жениховъ и ихъ родителей, вести переговоры, торговаться о приданомъ, а невѣстѣ — занимать, развлекать, словомъ, показывать себя, какъ живой товаръ, „лицомъ“, чтобы не произвести на жениховъ и на сопровождающихъ ихъ родственниковъ дурного впечатлѣнія и тѣмъ не оттолкнуть ихъ отъ себя. А затѣмъ — и самая свадьба, черезъ нѣсколько лишь дней послѣ похоронъ

отца, веселье на мѣстѣ похоронныхъ рыданій и скорби, — вполне заслуживающее перифраза извѣстныхъ словъ Державина *).

Гдѣ стоить былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ...

Неудивительно, что наиболее чуткимъ натурамъ все это казалось и кажется прямо какимъ-то кощунствомъ надъ священной памятью покойнаго. Но дѣлать, разумѣется, нечего. Правда, при нетребовательности, неразвитости и подавленности личности, и такіе браки нерѣдко бывали и бываютъ удачны, да и помимо того, взаимная удача возможна, разумѣется, и при такомъ упрощенномъ способѣ предбрачнаго знакомства, и такъ поженившіеся проводили совмѣстную супружескую жизнь согласно и благополучно, но благополучіе это отнюдь не является естественнымъ слѣдствіемъ такого короткаго безбрачнаго знакомства и всегда должно быть рассматриваемо какъ нѣчто исключительное. Были и есть другія неудобства и неприглядныя стороны рассматриваемаго обычая. Въ настоящее время епархіальная власть въ различныхъ епархіяхъ относится къ нему различно.

Обычай этотъ со всею его обстановкой неоднократно изображался и въ литературѣ, напр. у Потапенко. Въ прошломъ 1905 г. въ журналѣ „Образованіе“, въ августовской и сентябрьской книжкахъ появился на эту тему рассказъ В. Козловой „По жребію“. Рассказъ, очевидно, писанъ съ натуры и, если не чуждъ нѣкоторыхъ преувеличеній и шаржа, то не представляетъ собою въ общемъ и чего-либо невѣроятнаго. Въ селѣ Терешковѣ умираетъ священникъ, о. Григорій, и оставляетъ послѣ себя семью, состоящую изъ жены, троихъ сыновей, изъ которыхъ двое уже священниками, а третій учителемъ, и двухъ тоже взрослыхъ уже дочерей — Павлы и Насти. Очевидно, уже обнадеженный заранѣе, о. Григорій оставляетъ свое мѣсто старшей дочери Павлѣ, т.-е. ея мужъ долженъ занять его мѣсто, и ей поэтому завѣщана всего лишь тысяча рублей. Младшей оставлено больше; притомъ же она очень недурна собою, имѣетъ жениха — студента и мѣсто учительницы въ мѣстной церковно-приходской школѣ. Пріѣхавшіе на похороны отца сыновья съ своими женами стараются заодно, еще не разъѣзжаясь, покончить дѣло и о мѣстѣ, т.-е. найти и выбрать Павлѣ жениха, — и вотъ уже двѣ недѣли послѣ похоронъ отца въ домѣ идетъ суета: пріѣзжаютъ женихи и происходятъ неумолчныя и ожесточенныя споры, въ которыхъ не

*) Изъ стихотворенія «На смерть князя Мещерскаго».

принимаетъ участія одна только невѣста. Это — „молчальница“, какъ прозвали ее въ семьѣ, некрасивая, замкнутая въ себѣ, хотя далеко не безвольная и не безличная дѣвушка. Еще когда ей было шестнадцать лѣтъ, ее, за полгода до окончанія курса взяли изъ епархіальнаго училища, чтобы выдать замужъ. Но свадьба не состоялась, и вотъ она уже одиннадцать лѣтъ живетъ дома, все болѣе и болѣе замыкаясь и уходя въ себя. И теперь ей такъ тоскливо, такъ скверно. Ей кажется, будто она еще видитъ въ сосѣдней комнатѣ гробъ отца, свѣчи, обвитыя траурнымъ крепомъ, строгій покой въ заостренныхъ чертахъ и сомкнутыхъ губахъ, окруженныхъ сѣдою бородой. Разговоры о женихахъ ее прямо оскорбляютъ, возбуждаютъ въ ней брезгливое чувство. Остальные члены семьи не обращаютъ на это, разумѣется, никакого вниманія, кромѣ младшаго брата Ипполита, единственнаго друга Павлы въ семьѣ. Ипполитъ — совсѣмъ особый человѣкъ: онъ и во священники не пошелъ. Онъ изо всѣхъ силъ защищаетъ интересы Павлы. Главное затрудненіе и пунктъ преткновенія состоитъ въ томъ, что на долю Павлы оставлено слишкомъ мало денегъ. А на эти деньги ей будущему мужу нужно и посвятиться, и одѣться, и обзавестись необходимымъ. Немногіе согласятся удовольствоваться этимъ. И дѣйствительно, первые двое изъ привезенныхъ къ Павлѣ жениховъ просятъ — одинъ двѣ, другой три тысячи; третій, правда согласенъ удовольствоваться и одной, но онъ — завѣдомый пьяница; да, по совѣсти говоря, и въ первыхъ двухъ толку мало. Тѣмъ не менѣе семья не прочь отлатъ Павлу и за послѣдняго, лишь бы только скорѣе покончить дѣло. Но противъ этого со всею горячностью и непритворнымъ негодованіемъ молодости протестуетъ Ипполитъ. Затрудненіе неожиданно рѣшаетъ старшій братъ о. Николай, внезапно вызванный зачѣмъ-то къ преосвященному. Пріѣхавъ, онъ объявляетъ, что преосвященный, сочувствуя положенію семьи, рекомендуетъ ей одного городского псаломщика, студента семинаріи, котораго онъ знаетъ съ хорошей стороны. Вопросъ такимъ образомъ рѣшается, и весь интересъ сосредоточивается на личности новаго жениха, котораго, вдобавокъ, никто почти изъ семьи не знаетъ. Наконецъ, пріѣзжаетъ и этотъ послѣдній. Это — некрасивый собою, живой, бойкій и говорливый молодой человѣкъ. Онъ не поладилъ съ своимъ священникомъ, ворчливымъ, хотя въ сущности добрымъ старикомъ, и тотъ пожаловался на него преосвященному, преосвященный же, выслушавъ объясненія Доброхотова (такъ зовутъ новаго жениха), нашелъ, что имъ нужно ра-

зойтись, и предложилъ ему мѣсто, „со взятіемъ“ умершаго Терешковскаго священника. Для Доброхотова это является такимъ образомъ въ нѣкоторомъ родѣ необходимостью.

Доброхотовъ производитъ на семью неопредѣленное впечатлѣніе. Всѣмъ, кромѣ Павлы и Ипполита, онъ нравится своею веселостью, остроуміемъ и добродушіемъ, а также и тѣмъ, что мирится съ цифрою приданаго; но въ то же время его излишняя говорливость, а также неизвѣстность истинной причины его размовки съ своимъ настоятелемъ дѣлаютъ его въ глазахъ семьи нѣсколько подозрительнымъ. Тѣмъ не менѣе всѣ, кромѣ тѣхъ же Павлы и Ипполита, ликуютъ и облегченно вздыхаютъ: съ плечъ гора свалилась: теперь уже можно ѣхать домой, къ оставленнымъ на продолжительное время приходамъ. Остается только получить отъ Доброхотова предложеніе. И оно дѣйствительно скоро приходитъ, но — такое, что повергаетъ семью еще въ большее недоумѣніе и растерянность. Доброхотовъ письменно проситъ руки — не Павлы, а младшей — Насти. Это, впрочемъ, было и естественно, потому что Павла во все время визита Доброхотова не сказала съ нимъ почти ни слова и не захотѣла даже ни причесаться къ лицу ни переменить траурнаго платья, въ которомъ была на похоронахъ отца. Письмо Доброхотова производитъ на семью ошеломляющее впечатлѣніе. Поднимается нѣчто невообразимое. Ипполитъ совѣтуетъ даже совсѣмъ отказать Доброхотову: его поддерживаетъ одна изъ матушекъ, но имъ напоминаютъ, что волею преосвященнаго шутить нельзя, и такимъ образомъ можно совсѣмъ потерять мѣсто. Отецъ Геннадій — второй сынъ покойнаго, предлагаетъ даже выдать за Доброхотова Настю, но встрѣчаетъ бурной протестъ этой послѣдней. Наконецъ, по совѣту о. Николая, рѣшаютъ написать Доброхотову, что ему могутъ отдать только Павлу, — въ расчетѣ на то, что и Доброхотову отказать отъ Павлы и, слѣд., и отъ Терешковскаго мѣста тоже неудобно — въ виду того, что мѣсто это рекомендовано ему самымъ пресвященнымъ. Всѣмъ рѣшеніе это кажется наиболѣе мудрымъ, и о. Николай приступаетъ уже къ писанію письма, какъ вдругъ молчавшая доселѣ Павла заявляетъ, что за Доброхотова она не пойдетъ, такъ какъ самолюбіе есть и у нея. Тутъ уже семья окончательно теряется; только Ипполитъ приходитъ въ восторгъ. Тщетно уговариваютъ Павлу: она стоитъ на своемъ; принимаются снова за Настю; та сначала отвѣчаетъ столь же бурнымъ протестомъ, какъ и раньше, но потомъ какъ-то вдругъ стихаетъ. Обѣихъ сестеръ не оставляютъ въ покоѣ ни на одну минуту, стараясь уго-

ворить хоть какую-нибудь изъ нихъ, — но все тщетно. Тогда, наконецъ, о. Николай приходитъ къ мысли и предлагаетъ рѣшить вопросъ жеребѣемъ, — и съ этимъ мало-по-малу соглашаются всѣ, и Инполитъ и обѣ сестры, — Настя съ горькими слезами. Жребій выпадаетъ Павлѣ. Всѣ, кромѣ нея, радуются; немедленно посылается Доброхотову соотвѣтствующее письмо, и очень скоро получается отъ него отвѣтъ — утвердительный и притомъ столь милый и любезный, что семья считаетъ свою щепетильность совершенно удовлетворенной. Скоро является и самъ Доброхотовъ, какъ ни въ чемъ не бывало осыпаетъ любезностями Павлу: но такъ какъ ей лично онъ не приноситъ извиненія за письмо и предпочтеніе ей Насти, то она относится къ нему не только равнодушно, но и даже почти враждебно, такъ что даже ничѣмъ не смущающійся Доброхотовъ подъ конецъ смущается и начинаетъ чувствовать себя неловко. Доброхотову, впрочемъ, удается на минуту остаться съ Павлой наединѣ, и она говоритъ ему, что постарается не испортить ему жизнь и проситъ его о томъ же и для себя. Переговоры о приданомъ оканчиваются благополучно: Доброхотовъ обнаруживаетъ полную нетребовательность. Но и это не трогаетъ Павлу. Во все остающееся до свадьбы время она не говоритъ съ прѣзжающимъ почти ежедневно женихомъ почти ни слова, несмотря на то, что послѣднему удастся пріобрѣсти расположеніе даже Инполита. Даже на него начинаетъ коситься Павла. Передъ свадьбою она показываетъ ему ранку, сдѣланную на деревѣ ударомъ топора. Ранка эта, сначала незамѣтная, — все увеличивается и грозитъ дереву гибелью. — „То же и съ моимъ сердцемъ“ — добавляетъ Павла. — Послѣ свадьбы, на вопросъ Доброхотова, зачѣмъ она шла за него, если онъ ей противенъ, Павла объясняетъ ему, что она досталась ему „по жребію“. Озадаченный Доброхотовъ, только и можетъ подумать: „Интересно, какъ же мы въ самомъ дѣлѣ уживемся“.

Прочитавъ рассказъ, читатель, быть-можетъ, спроситъ: „Для чего же нужны были такіа отчаянныя усилія выдать Павлу замужъ? Вѣдь изъ всей семьи покойнаго о. Григорія только она одна и остается непристроенною. Матушкѣ — вдовѣ оставлены домъ, деньги и часть хозяйства, а сыновья обязуются ежемѣсячно выплачивать ей извѣстную сумму денегъ. Но вѣдь она уже взрослая дѣвушка и, быть-можетъ, сумѣла бы найти себѣ въ жизни и другое призваніе и другое дѣло, не говоря уже о томъ, что она могла бы жить съ матерью или съ братомъ Инполитомъ, съ которымъ она дружна и который даже и зоветъ ее къ себѣ. Не-

ужели лучше связать навсегда жизнь съ нелюбимымъ человекомъ? — Отвѣтъ на это даетъ мать Павлы. — „Неужели — говоритъ она, — Павлѣ оставаться непристроенной, неужели же ей всю жизнь скитаться по чужимъ угламъ“. — И стародавній обычай настолько уже придавилъ мысль и волю Павлы, что она и не протестуетъ противъ навязыванія ей мужа, не заявляетъ о желаніи и возможности обойтись и безъ него, вѣрнѣе — это ей даже и въ голову не приходитъ.

Ясно, что обычай сдачи мѣста долженъ быть подвергнутъ всестороннему разсмотрѣнію. Онъ, быть можетъ, не долженъ быть отмѣняемъ совсѣмъ, такъ какъ въ основѣ своей это обычай благодѣтельный, и нерѣдко примѣненіе его оказывается безусловно необходимымъ. Но онъ долженъ примѣняться лишь въ особыхъ, если не исключительныхъ, то по крайней мѣрѣ уважительныхъ случаяхъ, по безпристрастномъ и подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Кромѣ того, обычай этотъ могъ бы быть и измѣненъ — въ томъ смыслѣ, чтобы семьѣ умершаго предоставлялось не непременно его мѣсто, а такое, какого оказался бы достоинъ найденный ею кандидатъ.

Начало учебныхъ занятій въ Державинскомъ и Деревяницкомъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ въ 190⁶/₇ учебномъ году.

На приѣмный экзаменъ для поступленія въ Державинское училище нынѣ явилось 50 дѣвицъ, — изъ нихъ иносословныхъ 3, а прочія — дѣти духовенства Новгородской епархіи. Послѣ приѣмныхъ испытаній, вновь принято въ Державинско училище — въ первый классъ 33, во второй классъ 3, въ третій классъ 1; всего: 37. Отказано въ приѣмъ въ училище по неудовлетворительнымъ отвѣтамъ на испытаніи 9 дѣвицамъ и по болѣзни — 4. Съ остававшимися въ Державинскомъ училищѣ воспитанницами къ началу 190⁶/₇ учебнаго года въ немъ образовалось: въ 1-мъ классѣ 33, во 2-мъ классѣ 35 и въ 3-мъ классѣ 43; всего: 111.

Въ Деревяницкое училище на приѣмный экзаменъ явилось 6 дѣвицъ, — которыя послѣ экзамена и приняты въ 4-й классъ. Съ переведенными (въ концѣ 190⁵/₆ уч. года) изъ Державинскаго училища и прежними воспитанницами Деревяницкаго училища всего образовалось къ началу 190⁶/₇ учеб. года въ Де-

ревяницкомъ училищѣ слѣдующее количество воспитанницъ: въ четвертомъ классѣ 36, въ пятомъ классѣ 39 и въ шестомъ классѣ 45; итого: 120. Во всѣхъ же шести классахъ (Державинскаго и Деревяницкаго) Новгородскихъ епархіал. женскихъ училищъ къ началу 190⁶/₇ уч. года образовалось 231 воспитанница.

Во время пріемныхъ экзаменовъ усмотрѣно, что многія изъ поступающихъ въ Державинское училище не руководствовались программами сего училища, напечатанными въ Новг. Епарх. Вѣд. 1896 г. №№ 8 и 14, и посему не знали нѣкоторыхъ молитвъ, псименованныхъ въ программѣ пріготовительнаго класса; и можно заключать, что нѣкоторыми родными не было обращено вниманія, чтобы дѣти вечеремъ и утромъ, ложась спать и вставая отъ сна, читали молитвы по молитвослову, или по канонику; иныя изъ державшихъ экзаменъ затруднялись читать по славянски подъ титлами, иныя не знали славянскихъ чиселъ и проч.

Послѣ пріемныхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ, учебный годъ обычно начался молитвою. 31 августа всѣ воспитанницы Деревяницкаго училища слушали литургію и, послѣ оной, — молебенъ предъ ученіемъ. Въ концѣ литургіи инспекторъ классовъ сказалъ слѣдующее слово.

„Смотря на васъ, дорогія дѣти, собравшихся сюда для ученія, — воспоминаю тотъ народъ, который, во время земной жизни Иисуса Христа, оставив свои дѣла, тысячами шель, чтобы видѣть Господа, слушать Его. Воспоминаю, какъ Господь, видя этотъ народъ, который съ такою жаждою желалъ свѣта ученія, просвѣщенія духовнаго, — „милосердова о нихъ“, какъ Онъ вознаградилъ Своихъ слушателей за ихъ усердіе. Прежде всего Онъ преподалъ имъ Свое божественное ученіе (Марк. 6, 34), и долго и много бесѣдовалъ съ ними. Затѣмъ, замѣтивъ между народомъ много страждущихъ, — всѣхъ исцѣлилъ. Наконецъ, позаботился и о пищѣ для нихъ. Словомъ, за усердное слушаніе слова Божія, за одно желаніе поучиться, за жажду душевную народъ получилъ великія блага: свѣтъ ученія, облегченіе своихъ скорбей и недуговъ и даже пищу тѣлесную“.

„Вотъ и вы, дорогія дѣти, будете получать здѣсь удовлетвореніе своей жажды духовной: доброе, христіанское воспитаніе, слушать полезные уроки, содѣйствующіе развитію силъ души, и — чрезъ храмъ Божій, въ который вы будете ходить въ особенности въ воскресные и праздничные дни, будете получать особенную благодатную помощь, столь постоянно нужную намъ

въ жизни и дѣятельности нашей. Необходимо при всемъ томъ имѣть страхъ Божій, это начало премудрости, и святую вѣру, которая дастъ любовь къ правдѣ, честность, терпѣніе въ скорбяхъ“.

„Къ сожалѣнію, многіе современные люди забываютъ, что образованіе человѣка прежде всего должно состоять въ надлежащемъ познаніи Евангелія, что безъ религіи и вѣры человѣкъ остается невѣждою и звѣремъ. Для поясненія важности усвое- нія Евангелія и вообще слова Божія приведу совѣтъ христіа- намъ св. Θεоны, епископа Александрійскаго, жившаго въ 3-мъ вѣкѣ. „Пусть“, говоритъ онъ, „не проходитъ одного дня безъ того, чтобы въ свободное время не читали вы что—нибудь изъ Священнаго Писанія,—ничто такъ не питаетъ душу и умъ, какъ священныя чтенія,—отъ нихъ получите особенно ту поль- зу, что будете проходить должности ваши терпѣливо, благоче- стиво, въ любви Христовой“?...

„Да даруетъ Господь всѣмъ намъ любовь къ божественному, любовь къ священному Писанію, тогда Господь дастъ намъ и всѣ блага, нужныя намъ, духовныя и тѣлесныя“.

Изъ храма Божія воспитанницы и священнослужачіе, съ Иконою Коневской Божіей Матери, при пѣніи тропаря Богоро- дицѣ, прошли въ училищное зданіе, въ которомъ былъ отслу- женъ водозвятный молебенъ и Богородицѣ и всѣ комнаты окроп- лены святою водою; а затѣмъ икона Божіей Матери была обне- сена кругомъ училищнаго зданія, при чемъ оно и снаружи ок- роплено святою водою.

Прот. *Арс Вихровъ*.

Разныя извѣстія.

Гоненіе на русскихъ студентовъ за границей. Послѣ окон- чательной забастовки всѣхъ россійскихъ университетовъ, акаде- мій и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній, часть русской мо- лодежи, не понимавшей и не мирившейся съ мыслью о забастовкѣ въ образованіи, а слѣдовательно въ достиженіи извѣст- ныхъ знаній и положенія въ жизни, отправилась за границу, въ томъ числѣ и даже преимущественно въ ближайшую и со- сѣдную Германію, гдѣ и продолжала ученіе. Въ послѣдній годъ наплывъ русской учащейся молодежи въ нѣмецкія высшія учебныя заведенія былъ такъ великъ, что прусскія власти рѣ- шили принять экстренныя мѣры къ искусственному пониженію числа русскихъ въ германскихъ университетахъ и политехнику-

махъ, съ каковою цѣлью противъ вообще русскихъ прїѣзжихъ были приняты мѣры выселенія, а къ студентамъ примѣнялись разныя драконовскія правила въ видѣ обязательства представить свидѣтельство о политической благонадежности и т. п. Мѣры эти оказались однако далеко недѣйствительными, и германскія высшія учебныя заведенія продолжали быть переполненными русской учащеюся молодежью. Въ то же время среди нѣмецкаго студенчества стало наблюдаться нѣкоторое броженіе, не безъ основанія приписываемое вліянію російскихъ эмигрантовъ-студентовъ.

Значительное число лицъ, прибывшихъ изъ Россіи, составляли и составляютъ Евреи, широко хлынувшіе въ заграничныя высшія учебныя заведенія.

Глубокій крикъ негодованія, который подняла вся мыслящая Европа противъ насильственныхъ мѣръ германскаго правительства по поводу выселенія Русскихъ изъ Берлина, положилъ предѣлъ официальному гоненію на Русскихъ, и функціи эти нынѣ приняло на себя само нѣмецкое „свободомыслящее и гуманное“ студенчество и намѣрено совсѣмъ закрыть доступъ въ свои университеты не только Русскимъ, но вообще Славянамъ.

Въ серединѣ лѣта текушаго года въ гор. Карлсруэ, по случаю годовщины рожденія „желѣзнаго канцлера“, кн. Бисмарка, устроено было торжество, въ которомъ принимала участіе масса нѣмецкой учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи. Былъ устроенъ грандіознѣйшій факелцугъ, во время какового участники-студенты, въ присутствіи несмѣтной толпы, сочинили митингъ съ произнесеніемъ цѣлаго ряда рѣчей. Смыслъ этихъ рѣчей былъ таковъ. „Друзья и товарищи! Русское правительство, опасаясь распространенія революціи, происходящей преимущественно отъ скопленія въ Москвѣ студентовъ, закрыло всѣ московскіе университеты и нынѣ выдаетъ бесплатные паспорта и преміи тѣмъ студентамъ, которые пожелаютъ ѣхать учиться въ наши высшія учебныя заведенія. Прибывъ къ намъ въ невѣроятно громадномъ числѣ, русскіе студенты всѣми силами стараются породить между нами рознь и ненависть другъ къ другу, учатъ насъ быть измѣнниками дорогому фатерланду и государю и, слѣдуя за ними, создать революцію.

„Товарищи! Волна славянства все больше и больше захлестываетъ нѣмецкія земли и нѣмецкіе высшіе разсадники науки, созданные нѣмцами и лишь для нѣмцевъ. Странѣ нашей, культурѣ, грозитъ быть подавленной нашествіемъ иноплеменниковъ, изъ которыхъ каждый — скрытый врагъ нашъ. Надо остановить

это нашествіе варваровъ, надо очистить наши университеты отъ иноплеменниковъ, отъ славянства. Соединимся и дружными общими силами дадимъ отпоръ. Всѣ средства для этой цѣли будутъ хороши и всѣ пригодны“.

Таковы были приблизительно рѣчи нѣмецкихъ буршей, говорившихъ съ высоты выкаченныхъ на площадь пивныхъ бочекъ. Публика въ гробовомъ молчаніи внимала словамъ ораторовъ и раздражалась затѣмъ громкими криками одобренія. (Нов. Вр.).

О приговорѣ военно-морского суда надъ мятежниками на крейсерѣ „Память Азова“. „Ревельск. Изв.“ сообщаютъ слѣдующія подробности объявленія и приведенія въ исполненіе приговора.

Во избѣжаніе могущихъ быть инцидентовъ, для выслушанія приговора обвиняемые были раздѣлены на три группы. Первая группа была введена въ залъ и ей былъ прочтенъ приговоръ, которымъ подсудимые оправдывались; вторую группу составляли обвиняемые, приговоренные къ каторжнымъ работамъ и другимъ наказаніямъ, до дисциплинарныхъ взысканій включительно; третью группу составляли приговоренные къ смертной казни черезъ повѣшеніе. По прочтеніи 1-й и 2-й группамъ приговоровъ, они сейчасъ же были выведены изъ замка для отправленія первой группы въ казармы, а 2-й группы на пароходъ, который отвезъ ихъ въ Кронштадтъ. По прочтеніи же краткой резолюціи третьей группъ, она была возвращена въ камеры, гдѣ и оставалась до утвержденія приговора командующимъ эскадрой. Когда 3-й группъ былъ прочитанъ приговоръ, она его выслушала при гробовомъ молчаніи, а когда судъ удалился, то нѣкоторые изъ осужденныхъ заявили просьбу о замѣнѣ казни безсрочной каторгой; другіе же заявили, что не смѣютъ просить этого, а просятъ какъ милости замѣнить повѣшеніе разстрѣломъ. По выслушаніи этихъ заявленій судъ удалился. Тогда обвиненные обратились къ стоявшимъ здѣсь офицерамъ съ просьбою разрѣшить имъ написать письма домой, а также разрѣшить имъ курить въ камерахъ. Обѣ просьбы эти были уважены. Но приводъ ихъ обратно въ камеры, офицеръ обошелъ и спросилъ ихъ, желаютъ ли они священника. Всѣ они безъ исключенія просили придти священника и принести въ камеры иконы. Просьба эта была сейчасъ же исполнена. Священникъ съ Св. Дарами обошелъ всѣ камеры и послѣ исповѣди всѣхъ причастилъ. Не принялъ св. причастія лишь штатскій агитаторъ, который въ самыхъ вѣжли-

выхъ выраженіяхъ заявилъ священнику, что онъ по убѣжденію уклоняется отъ этого таинства. Все остальное время приговоренные были заняты писаніемъ писемъ къ роднымъ и составленіемъ краткихъ желаній своихъ относительно остающихся послѣ нихъ денегъ и вещей. Все это время приговоренные обращались къ бывшимъ въ камерахъ офицерамъ, прося ходатайствовать о замѣнѣ повѣшенія разстрѣломъ, говоря: „Хотя мы и тяжкіе преступники противъ Царя, но все же мы солдаты и тяжело умирать такой позорной смертью“. Всѣ они, высказывая раскаяніе въ своихъ тяжкихъ преступленіяхъ, обвиняли тѣхъ людей, которые своими рѣчами довели ихъ до преступленій и этой тяжелой участи. Когда офицеру нужно было выходить изъ камеры, то они просили остаться съ ними или же придти еще къ нимъ. Около 4 часовъ утра былъ полученъ приговоръ особой комисіи, утвержденный начальникомъ эскадры, съ замѣной повѣшенія разстрѣломъ. Приговореннымъ принесли въ камеры парусиновые куртки, приказавъ переодѣться, но нѣкоторые не хотѣли ихъ одѣвать, прося оставить ихъ въ матросскомъ одѣяніи; но имъ было объяснено, что они за свое тяжелое преступленіе лишены судомъ званія матросовъ, а потому должны переодѣться. Тогда они безпрекословно подчинились и сами переодѣлись. Когда же приказано было перевязать сзади руки, то они просили этого не дѣлать, обѣщая полный порядокъ, но, получивъ объясненіе, что въ виду состоявшейся замѣны повѣшенія разстрѣломъ это необходимо, они подчинились, заявивъ лишь просьбу, чтобы имъ не завязывали глаза. Послѣ этого они выстроились въ общемъ коридорѣ и были выведены во дворъ замка, а оттуда къ мѣсту казни. Проходя мимо стоявшихъ на охранѣ пѣхотныхъ солдатъ, многіе обращались къ нимъ со словами: „простите и прощайте, братцы, идемъ умирать за тяжкіе наши грѣхи“. Проходя черезъ дворъ замка, одинъ изъ приговоренныхъ запѣлъ пѣсню, сначала подхваченную нѣсколькими голосами, но сейчасъ же всѣ смолкли. По приходѣ къ мѣсту казни они обратились къ офицеру съ просьбой разрѣшить имъ попрощаться между собой, что имъ было разрѣшено. Перецѣловавшись другъ съ другомъ, они сами подошли къ протянутому горизонтально канату. Когда ихъ начали привязывать къ нему, то нѣкоторые просили этого не дѣлать, говоря, что будутъ сами стоять не шевелясь. Но имъ объяснили, что это необходимо во избѣжаніе могущихъ быть лишнихъ мученій. Тогда они были всѣ привязаны, и часть, которой выпалъ жребій ихъ разстрѣливать, выстроилась передъ ними. Священ-

никъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ и всѣ приложились къ св. кресту. Въ этотъ моментъ одинъ изъ преступниковъ подозвалъ офицера и попросилъ его узнать, кто его будетъ разстрѣливать, чтобы передать ему серебряные его часы, находящіеся въ тюремной конторѣ, въ знакъ того, что онъ, считая себя преступникомъ противъ Царя, достойнымъ смерти, не питаетъ злобы противъ разстрѣливающего его. Послѣ этого былъ прочитанъ мотивированный приговоръ, въ концѣ чтенія котораго стали раздаваться возгласы: „дсвольно, мы знаемъ свои вины сами“ и, обращаясь къ командѣ для разстрѣла, просили: „братцы, цѣльтесь хорошенько, чтобы смерть сразу“. Подозвавъ священника, они еще разъ приложились къ кресту. Когда была подана команда къ заряденію ружей, опять раздались крики: „цѣльтесь, братцы, въ грудь...“ Раздался залпъ и все моментально смолкло. Всѣ были разстрѣляны сразу. Второй залпъ былъ данъ изъ предосторожности. Но въ виду рефлексивныхъ движеній двухъ тѣлъ были произведены нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ. Послѣ того тѣла были положены на телѣги, насыпанныя пескомъ, покрыты брезентами и перевезены въ портъ, откуда на пароходѣ вывезены въ море, гдѣ и похоронены, согласно морскому уставу. (Нов. Вр.).

Содержаніе № 36.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Отношеніе на имя Высокопр. Гурія.—Движеніе и перемѣны по службѣ.—Праздныя вакансіи.—Пожертвованія въ пользу постр. отъ неурожая.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Ближайшія задачи дѣятельности духовенства.—Желательная реорганизація церк.-пр. школь.—Какъ извращается идея прих. совѣтовъ.—Одна изъ причинъ слабаго вліянія духовен. на народъ.—Обычай «сдачи мѣста».—Начало учебн. занятій въ Деревян. учил.—Разныя извѣстія.

Цензоръ Архимандритъ *Серій*.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи *Владиміръ Финиковъ*.

НОВГОРОДЪ.

Губернская Типографія

1906.